

писателя: «Пушкина можно было бы назвать классицистом за его первые сочинения, написанные в Царскосельском Лицее; романтиком, последователем Байрона — за его поэмы южной ссылки; реалистом — он определил бы это «романтическим реализмом» — за его прозу»²². Отмечается новая реалистическая манера поэта в описании природы, русской души, уникальность творческого пути Пушкина в истории мировой литературы: «...победив в борьбе за романтизм, поэт тут же... начинает движение в сторону реализма»²³.

Пушкина сравнивают с Данте, Шекспиром, Сервантесом, отмечают актуальность поэта для русской и мировой литературы: «...его произведения сохраняются во времени, они перешагнули национальные границы, не теряют своей действительности, силы, ценности. Жизнь и творчество поэта — модель, пример для подражания: его сочинения истинно классические в самом широком смысле слова, это достояние не только русской, но и мировой литературы»²⁴. Тем самым, если ранее, в XIX — начале XX в., Пушкин присутствовал в испанском сознании в ряду других иноязычных писателей (романтиков, натуралистов, реалистов), с которыми он и соотносился, то, начиная с середины XX в., в русском поэте отыскивается то, что его от них отличает и одновременно то, что определяет его всемирную значимость как классика. Соответственно он оценивается по критериям, предъявляемым классическим писателям разных эпох и культур. Это «открытие» Пушкина как национального и всемирного писателя не могло не сказаться на отношении переводчиков к его творениям: стремлении воспроизвести национально-историческое своеобразие, индивидуальный авторский стиль поэта.

²² Castro Gil M. F. de. Poetas rusos del siglo XIX. Madrid, 1967.

²³ Bravo Utrera S. Teatro//El universo en un solo pecho. La Habana, 1968. P. 66.

²⁴ Caballero Rodríguez A. El hombre y la inmortalidad//El universo en un solo pecho. La Habana, 1986. P. 62.

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9, ФИЛОЛОГИЯ. 1993. № 5

А. И. Журавлева

ПРОБЛЕМА НАРОДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1850—1860-х ГОДОВ

В середине XIX века проблема народа выдвигается в центр художественных исканий русской литературы. Однако впервые она была поставлена романтиками, которые во многом и определили понимание категории «народ» в русском литературно-общественном сознании, установив сам объем понятия: низшие, непривилегированные слои общества. Понятие, как видим, в самом российском общественном сознании изначально было сугубо демократическим. Но в советском литературоведении при изучении так называемого «разночинского периода освободительного движения» концентрация внимания на изображении народа постепенно стала восприниматься как специфическая черта именно революционно-демократической литературы. Между тем это далеко не так. Необходимо поэтому заново вернуться к теме, важнейшей для русской литературы середины прошлого века, уяснить, как она решалась именно в целом, как стояла перед писателями другой обществен-

ной ориентации — Островским, Писемским, Львом Толстым, Достоевским, Лесковым.

Разумеется, исследователи творчества этих писателей касались вопроса, иногда и обстоятельно писали о нем. Но когда речь шла о литературном процессе в целом, то художественное решение проблемы связывалось почти исключительно с писателями круга «Современника», а остальное рассматривалось в отношении к их позиции как эталону. Этот подход сказался даже на типологии реализма, предложенной в коллективном академическом труде «Развитие реализма в русской литературе», с известным разделением реализма на психологический, в центре которого интерес к личности, и социологический, разрабатываемый революционно-демократической литературой, где в центре будто бы народ и народная точка зрения на жизнь¹. Необходимо показать возможно более полно именно общую картину литературного процесса и осветить его так, чтобы ценностные критерии определялись не близостью к революционно-демократическому направлению, а исходили из убедительности художественных решений, глубины анализа жизненных явлений в художественном творчестве писателя.

Нельзя не сказать, что при ближайшем рассмотрении проза писателей круга «Современника» также оказалась явлением и гораздо более разнообразным, и гораздо менее монолитным даже в мировоззренческом отношении, чем это кажется, если исходить из манифеста революционно-демократической эстетики о том, как следует изображать крестьян современному писателю — а таким манифестом несомненно была знаменитая статья Чернышевского «Не начало ли перемены?»

Выяснение чисто идеологических аспектов проблемы, вплоть до оттенков в позициях писателей, в целом близких друг другу, разумеется, задача совершенно законная, но значительно более разработанная. Гораздо менее изучены те последствия в области поэтики, какие влекло за собой перемещение художественного внимания с интеллектуального героя, возвышающегося над средой и находящегося с ней в конфликте, к проблеме народа.

В поэтике проблема народа оказалась связанной с разными направлениями: категорией героя, жанрово-родовыми формами, которые позволили бы адекватно развернуть повествование об этом герое, затем — способы изображения и, главное, само понимание быта как предмета литературы, наконец поднятый еще Ап. Григорьевым вопрос о языковых проблемах литературы о народе.

Итак, романтики были открывателями темы, у нас так же, как и в европейской литературе. При этом понятие «народ», включающее низшие слои общества, оказывается синонимично слову «простонародье». Существенно, что оно и выясняется именно в оппозиции «народ» — «дворянство», «народ» — «образованное общество». Но в России противопоставление обострялось обстоятельствами исторической жизни: петровские реформы «европеизировали» дворянский быт и тем закрепили социальную оппозицию, дополнив ее культурной и бытовой. Национальный уклад жизни отныне сохранялся исключительно в непривилегированных слоях. Социальный антагонизм усиливало существование крепостного права, причем для литературы тут важны не только экономические аспекты, но прежде всего личностные: человек, которого можно продать, — это нечто совсем иное, чем свободный, какой бы ограниченной эта свобода ни была.

Крестьянская тема затрагивалась русской литературой первой

¹ Развитие реализма в русской литературе. М., 1968.

трети XIX в. либо в общем плане — как обсуждение проблемы крепостничества, либо как проблема крепостной интеллигенции. В литературу постепенно входил герой из крестьян, но героя-крестьянина не было. Был также в теории поставлен вопрос о роли народа в истории и Пушкин, опережая эпоху, коснулся этого вопроса в «Капитанской дочке» — но тоже прежде всего в историческом аспекте.

Демократизация материала литературы в творчестве писателей натуральной школы, так ошеломившая современников, состояла прежде всего в обращении к быту городского простонародья. «Маленький человек», открытый Пушкиным и Гоголем, — мелкий чиновник, «крепостное сословие» государственной бюрократии. Россия была крестьянской страной, и пока литература не обращалась к крестьянину, неполнота создаваемой ею картины национальной жизни оставалась несомненной. Поэтому понятно, что появление первых рассказов «Записок охотника» и «деревенских историй» Григоровича стало большим литературным событием. Таким образом, как и во многих других отношениях, именно натуральная школа знаменует принципиально новый этап в освоении искусством народной жизни. Народ становился не идеей, не только почвой для возрастания нравственных и эстетических идеалов национальной литературы, но непосредственным предметом изображения. При этом уже пионеры темы Григорович и Тургенев, для которых, казалось бы, естественной должна быть форма очерка и интерес к типам народной жизни, обращаются к жанрам рассказа и небольшой повести. У Григоровича очерк остается за пределом интересующей нас темы (в «Физиологии Петербурга» у него городская зарисовка «Петербургские шарманщики»). У Тургенева же переориентация от очерка к рассказу происходит в пределах знаменитого цикла. Если «Хорь и Калиныч» — очерк, то чем дальше, тем более усиливается чисто художественное начало, с развитой фабулой и углублением интереса к индивидуальному, а не типовому.

У Григоровича формируется жанр рассказа с романским потенциалом, т. е. небольшая повествовательная форма, тем не менее охватывающая всю жизнь героя в ее существенных моментах и в таком повороте, который позволяет судить не только о герое, но дает общую картину действительности. Недаром Белинский сказал об «Антоне Горемыке»: «„Антон Горемыка“ — больше, чем повесть: это роман»². С не меньшим правом можно назвать такими романами «Житие одной бабы» и «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова. Эта жанровая форма имела большой потенциал и через несколько десятилетий будет использована Чеховым (классический пример «Ионыч»). Сам же Григорович от нее попытался перейти к роману в собственном смысле и создал первые у нас романы из народной жизни «Рыбаки» (1853) и «Переселенцы» (1855—1856 гг.), но как романы — вещи второго ряда, наиболее яркие в них очерковые страницы.

В 50-е годы начинается активное развитие так называемого «народознания», что дает новый импульс развитию очерка, но вместе с тем очень осложняет определение границы между художественной литературой и очерком как ее жанром, с одной стороны, и документально-публицистическим очерком, иногда книгой очерков — с другой. Грань между «Владимиркой и Клязьмой» Слепцова или книгой Максимова «Год на Севере» с точки зрения их жанровой принадлежности проводится нелегко. Несомненно, документальный очерк питал художественную литературу и в этом отношении можно сказать, что звезд-

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 10. С. 347.

ным часом становится творчество Лескова, где, если воспользоваться библейским образом, посох документальности превращается в цветущее, живое древо художественного произведения.

В связи с очерком особенно остро встает проблема авторской позиции, точнее, вопрос о повествователе: как он стоит по отношению к изображаемой им народной жизни?

После первых восторгов, вызванных открытиями Тургенева и Григоровича, появляются и упреки. В этот период происходит не только постепенное формирование революционно-демократической платформы, но идут и более широкие процессы демократизации литературы, возникновение «третьесословной литературы». И здесь велика и до сих пор недооценена и недостаточно изучена роль «Москвитянина» периода молодой редакции. Вокруг Ап. Григорьева и Островского и сплачивается эта третьесословная литература. Душу ее составляет интерес к обряду и чину, хранимому в повседневности простонародной семьи, влюбленность в народную песню. Для москвитянинцев характерна эстетизация народного быта, но в основе этого лежат прежде всего этические мотивы, стремление к разъединению и враждебности в современном обществе противопоставить идеалы народной нравственности, сложившиеся еще в патриархальном мире. В правильно живущей патриархальной семье хотят видеть модель идеального общества, в котором иерархия основывалась бы на старшинстве и опыте, а человеческие отношения строились на взаимной любви. Эта патриархальная утопия (в точном, не оценочном значении слова) художественно ярко выразилась в москвитянинских пьесах Островского. Но реальное состояние общества, на которое никогда не закрывали глаза ни Островский, ни Григорьев, неизменно признававший безусловный приоритет живой жизни перед любой, пусть самой привлекательной теорией, достаточно скоро приводит обоих к мысли о невозвратности былого. Трагическое прощание с этими все еще высокими идеалами — «Гроза». Еще раз, уже после смерти Григорьева, Островский в философском аспекте поставит проблему в «Снегурочке», где в неразрешимом столкновении предстанет индивидуальная страсть, признак просыпающейся личности, и «растительная»³ гармония патриархальной жизни.

Критика «Москвитянина» и, прежде всего, Григорьев, отдавая должное историческому значению «Записок охотника» и народных рассказов Григоровича, тем не менее указывает на «инородность» рассказчика, повествователя — в конечном итоге автора — описываемой среде. «В г. Григоровиче, авторе повестей и романов из народного быта, мы видим не хозяина в описываемом им быту, свободно распоряжающегося типами и языком, а заезжего гостя-путешественника», — пишет Григорьев⁴.

Если освободить это наблюдение от отрицательной экспрессии, то оно достаточно точно. Взгляд Тургенева и Григоровича — это благожелательный, но именно изучающий взгляд извне, взгляд образованного человека на достаточно экзотический для него мир, значение которого, он, однако, осознает в полной мере. Писатели-этнографисты круга «Москвитянина» (Потехин, Максимов, Кокорев и другие) стремятся встать на позицию героев, как бы увидеть мир их глазами, во всяком случае, это позиция знатока, бывалого человека. Она ощутима и у Писемского в его рассказах о крестьянах («Питерщик», «Леший», «Плотницкая артель»). Но, конечно, гораздо радикальнее в этом от-

³ Положительно окрашенное григорьевское словечко о народном искусстве, быте — о патриархальном существовании.

⁴ Москвитянин. 1855. № 4. С. 107—108.

ношении оказались писатели-разночинцы, которых постепенно сплачивают вокруг «Современника» Некрасов и Чернышевский.

Важно, что у демократов подчеркнуто и даже форсировано социальное родство повествователя и героев. Пафос демократов — пафос причастности, и речь идет, разумеется, о социальной причастности, поскольку образовательная пропасть остается, но она выносится за скобки, в иных случаях — маскируется, как у Н. Успенского, художественно очень яркого, театрализованного писателя⁵. Его очерки «Из простонародного быта», как известно, стали поводом для революционно-демократического манифеста о задачах современной литературы в области изображения крестьянства. Но в сущности спор шел не о самом Успенском, а о принципах. Возразивший Чернышевскому Достоевский тоже не склонен слишком вникать в своеобразие Успенского. Он даже и не особенно вдается в спор об изображении и, так сказать, о концепции народного характера у Успенского, а возражает против того, что мы теперь называем натурализмом, а тогда чаще называли «даггеротипностью». «Большую частью г-н Успенский вот как делает. Он приходит, например, на площадь, и, даже не выбирая точки зрения, прямо, где попало, устанавливает свою фотографическую машину. Таким образом, все, что делается в каком-нибудь уголке площади, будет передано верно, как и есть. В картину, естественно, войдет все совершенно ненужное в этой картине, или, лучше сказать, в идее этой картины. Г-н Успенский об этом мало заботится. Ему, например, хотелось бы изобразить в своей фотографии рынок, и дать нам понятие о рынке. Если б из-за рамки картины проглядывал в это мгновение кончик коровьего хвоста, то остался бы и коровий хвост, решительно не заботясь о его ненужности в картине»⁶.

Статья Чернышевского «Не начало ли перемены?» — это социальный заказ идеологов революционной демократии русской литературе. Но она не послушалась, и даже писатели круга «Современника» не вполне ортодоксально его выполнили. Главные же достижения в изображении народного характера были не на пути «обличительно-натуралистического» изображения мужика, а в поэтизации народного характера — в трагедии «Гроза» Островского и в поэзии Некрасова. Даже весьма чуткий к социальному аспекту Добролюбов понял: Катерина не «купеческая жена», а «русский сильный народный характер», это в ней первостепенно важно, при всей обычной для Островского точности социально-бытовых характеристик. Это сильный национальный характер на историческом переломе от патриархального мира к современности, с ее крушением авторитарных нравственных норм и мучительной выработкой морали, основанной на индивидуальном и ответственном нравственном выборе.

Поэтизация — не приукрашивание, но максимальная полнота и разносторонность изображения, «синтетизм». Особенно это относится к Некрасову, который, вопреки распространенному мнению, нарисовал не только страдания, но и счастье крестьянина.

В жанрово-родовом аспекте это выглядит так: не роман — вершина прозаического эпоса нового времени, а трагедия — где в центре патриархальный человек с просыпающимся чувством личности, и лирика и поэма — где в любом случае личное начало представлено голосом поэта (сама стиховая форма уже не безлична).

На пути, к которому звал Чернышевский, был очерк, очерк и

⁵ Что прекрасно показано К. И. Чуковским. См.: Чуковский К. Люди и книги 60-х годов. Л., 1934.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 19. С. 180.

очерк, что связано с типом героя. Для романа нужен личностный герой, а его не давал патриархальный крестьянский мир.

Вернемся, однако, к вопросу об авторской позиции, позиции повествователя по отношению к героям. Принципиально иная, чем у демократов, и в 60-е годы до некоторой степени близкая она у Достоевского и Толстого. Оба они нисколько не маскируют, хотя драматически переживают пропасть между народом и образованным сословием, к которому принадлежит повествователь.

«Записки из Мертвого дома» это, как и у Тургенева, тоже взгляд на народный мир человека извне, силой драматических обстоятельств ввергнутого в эту жизнь. В книге Достоевского совершенно отсутствует «эффект Успенского» — повествование якобы от лица человека из толпы, от такого же, как они. Нет, иноприродность повествователя народному миру каторги — принципиальнейшая, все определяющая черта «Записок из Мертвого дома».

Ситуация, перед которой уже в исходе 40-х годов в преддверии падения крепостного права встало русское общество и его сознание — литература: понять мужика или погибнуть в водовороте социальных катаклизмов — эта ситуация в книге Достоевского обострена до предела. Интеллигент оказывается лицом к лицу не просто с крестьянином, не с мужиком Мареем (о нем еще только предстоит вспомнить Достоевскому), а с самым «решительным, отчаянным народом». При этом — крайне сгущение социальности. Человек в толпе, как ему держать себя, чтобы защититься и уцелеть? Эта проблема у Достоевского готовилась еще в 40-е годы в «Двойнике», до каторги. А тут человек в толпе дни и ночи, много лет подряд. «Миф народа», уже созданный литературой и усвоенный интеллигентским сознанием, не поможет, не спасет, он явно неприложим к тому, что его окружает. «Загадка народа» продолжает передаваться как загадка, но уже без всякой мистифицирующей мифологизации, до ужаса реально: от того, разгадаешь ли ты ее, поймешь ли, как себя вести, что требуется от тебя, чтобы уцелеть в этой толпе, буквально зависит жизнь или смерть. Понять, понять — вот пафос «Записок из Мертвого дома», определивший их аналитический характер. И это уже не «этнографический» анализ внешних обстоятельств, хотя есть и этот необходимый пласт. Репортаж из самого страшного угла, в который загнан этот «народ», оказывается и репортажем из внутреннего мира. Психологизм здесь не художественный изыск, а необходимейший инструмент спасения.

Дантовские картины каторжного ада, зримо яркие, незабываемо врезающиеся в сознание (человек, сидящий на цепи и продолжающий надеяться и строить планы, обнаженный умирающий в кандалах и многие такие сцены и зарисовки) и парадоксальный вывод — изумление перед жгучей живучестью человеческой души. И только уже на этой, подготовленной почве постепенно прорастают скорбные мысли о «даром пропадающих силах», вся скорбная лирика, чем и знаменита книга Достоевского.

Как ни странно, «Казачки», при всей разнице фактуры описываемой жизни, ставят близкую проблему: интеллигент, стремящийся понять народный мир, в который его бросает судьба. Нельзя, мне кажется, согласиться с распространенным мнением, что Толстой осуждает Оленина и уже здесь стоит целиком на стороне патриархального крестьянства, Лукашки, если говорить о сюжетном любовном треугольнике. «Казачки», несомненно, не сатира на совестливого барина, а трагедия взаимного непонимания. Жесткая, хотя и цельная позиция Лукашки — вовсе не идеал. Любуется Толстой скорее Ерошкой, но он ведь

в казачьем мире тоже по-своему отверженный. Он руссоистский естественный человек, и в социуме, каковым, несомненно, является казачья станица, ему тоже в сущности нет места, хотя, конечно, и совсем по-другому, чем Оленину.

Таким образом, народная тема у Толстого и Достоевского входит в структуру романного типа не непосредственно, а через мир личностного героя, вокруг которого строится сюжет (в «Казачах» традиционный, в «Записках из Мертвого дома» — нетрадиционный, поскольку у Достоевского это духовно-интеллектуальный сюжет, выстроенный вокруг самого автора, а не Горянчикова, который быстро забыт).

В следующие десятилетия проблема народа именно так и будет решаться в классическом романе: как проблема, идея-оселок для испытания героев, не принадлежащих к народу в этом специфическом для России объеме понятия⁷. Только у трезво мыслящего А. К. Толстого вырвалось горькое:

«Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!»
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

Субъективно таковым действительно и оставалось самочувствие русской интеллигенции, в том числе писателей. Но в какие-то вершинные моменты, в звездные часы русской литературы — в «Войне и мире», на некоторых страницах «Братьев Карамазовых» — возникало ощущение общенационального единства — в историческом деянии, в религиозно-нравственном переживании.

На исходе XIX столетия все же именно литература начинала постепенно преодолевать это романтически-сакральное значение понятия «народ» (например, в творчестве Чехова, Бунина). Но тут произошла революция, и последовавшее за ней истребление крестьянства вновь актуализировало романтическое в своих истоках понимание народа, характерное для классического реализма.

⁷ Это, впрочем, отмечалось историками романа. История русского романа: В 2-х тт. М.; Л., 1964. Т. 2.

Л. В. Златоустова, И. А. Вещикова, Е. Б. Омельянова

КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЛОВАРЬ ЧАСТОТНЫХ СЛОВ И РИТМИЧЕСКИХ СТРУКТУР РУССКОЙ РЕЧИ

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с созданием компьютерного фонетического словаря-минимума. Один из них (его решение необходимо при построении любого словаря) — определение ряда параметров, выработанных лексикографической практикой, таких, как назначение словаря, единицы и объем словаря, формирование словника, расположение материала и т. п. Другой, требующий специального анализа при построении и описании фонетического словаря вопрос о системе фонетической (транскрипционной) записи. Поэтому его мы разберем более подробно. В связи с тем, что словарь рассчитан на использование персонального компьютера, то наряду с актуальными лингвистическими задачами мы останавливаем-